

> МАТИС ТРАЛЪ >

ЖОЗЕ САРАМАГО

Каменный плот

Москва

УДК 821.134.3-31
ББК 84(4Пор)-44
С20

José Saramago
A JANGADA DE PEDRA

Copyright © Jose Saramago & Editorial Caminho, SA, Lisboa-1991.
Published by arrangement with Dr. Ray-Gude Martin,
Literarische Agentur, Bad Homburg, Germany

Перевод с португальского *Александра Богдановского*
Художественное оформление обложки *Натальи Портяной*

Сарамаго, Жозе.

С20 Каменный плот / Жозе Сарамаго ; [перевод с португальского А. Богдановского]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-199305-4

Жозе Сарамаго — единственный португальский лауреат Нобелевской премии по литературе, автор романов «Слепота» и «Перебои в смерти». Критики сравнивают его с Маркесом и Борхесом за смелое соединение философии, притчи и магического реализма. «Каменный плот» — самый смелый эксперимент писателя.

Женщина проводит палкой черту на земле. Мужчина бросает в море тяжелый камень — и тот не тонет. За другим по пятам идут тысячи птиц. Кто-то чувствует дрожь земли, которую больше не замечает никто. Кажется, эти странные события никак не связаны. Но вскоре Пиренеи раскалываются, и весь Пиренейский полуостров отделяется от Европы, превращаясь в гигантский каменный плот, дрейфующий по Атлантике. Пока политики пытаются остановить катастрофу, пятеро незнакомцев и увязавшийся за ними пес отправляются в путешествие на старом автомобиле, чтобы понять, почему мир изменился — и какое место в этой истории отведено каждому из них.

УДК 821.134.3-31
ББК 84(4Пор)-44

ISBN 978-5-04-199305-4

© Богдановский А, перевод на русский, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Будущее — всегда легендарно.

Алехо Карпентьер

Иберия очертаниями напоминает бычью шкуру.

Страбон

Пиренейский полуостров имеет форму плота.

Неизвестный португальский автор

Едва лишь Жоана Карда вязовой палкой провела по земле черту, как тотчас все псы Сербера залились лаем, повергнув в смятение и ужас жителей, ибо гласит давнее-давнее поверье: подадут голос неизменно до тех пор безмолвствовавшие собаки — жди конца света. Откуда взялось столь дремучее суеверие, как укоренилось оно и почему переросло в непреложную убежденность, сегодня никто уже не помнит, однако, продолжая играть в хорошо всем знакомую игру под названием «испорченный телефон», когда всякий раз по-разному рассказывается старая, сто раз слышанная сказка, французские бабушки тешили ею своих внучат, повествуя нараспев, что именно в том месте департамента Восточные Пиренеи, где ныне находится коммуна Сербер, в незапамятные древнегреческие времена жил да был трехглавый пес, громогласным лаем откликавшийся, когда звал его хозяин, лодочник по имени Харон, на кличку Цербер. Равным образом осталось неизвестно, каким таким органическим мутациям подвергся он, но факт, подтвержденный историческими свидетельствами, остается фактом: выродившееся его потомство появлялось на свет с одной головой и немым. Впрочем, одно объяснение все же есть: всякому известно, особенно если этот всякий — местный старожил, что сторожил вышеупомянутый ужас наводящий Цербер вход в преисподнюю, — пожалуй, не столько даже в нее вход, сколько из нее выход, следя, чтобы не смели поки-

дать ее грешные души, — и вот боги, в ту пору уже вко-нец одряхлевшие, под занавес, так сказать, явили свое милосердие и поразили собак немотой отныне и впредь, надеясь, вероятно, что безмолвие это позволит на вечные времена позабыть про адскую область. Но поскольку, как ясно нам дали понять уже в новейшие времена, ничто под луной не вечно, стоило лишь в наши дни, в некоем португальском местечке — название его мы сообщим впоследствии, а пока скажем лишь, что много сотен километров отделяло его от коммуны Сербер, — женщине по имени Жоана Карда провести по земле вязовой веткой, как с лаем повывскакивали на улицы все окрестные псы, до тех пор, повторяем и подчеркиваем, не лаявшие никогда. А спроси кто Жоану, с чего ей вздумалось чертить по земле веткой, ибо занятие это больше пристало слабоумному подростку, чем женщине во цвете лет, и не подумала ли она о возможных последствиях, каковые, напомним, чреватые оказались большой бедой, она ответила бы: Сама не знаю, валялась палка, я подобрала ее и по земле провела линию. Так, может быть, это была волшебная палочка? Ну нет — большая слишком, да и потом, я слышала, будто волшебные палочки сделаны из хрусталя с золотом, светятся сами собой и звезда на конце сияет. Известно, что та палка была из вяза. Я в породах деревьев слабо разбираюсь, это уж потом мне сказали, что вяз иначе еще называют ильмом, да как ни назови, чудесных свойств в нем нет, но знаю одно — возьми я самую обыкновенную спичку, результат был бы тот же. Почему вы так решили? Что должно сбыться — сбудется, и силе этого противиться не надо, я тысячу раз слышала это от тех, кто постарше меня. Вы, стало быть, верите в предопределенность? Я верю в то, что должно случиться.

В Париже сначала долго смеялись в ответ на телефонные мольбы мэра, которого было едва слышно из-за оглушительного лая, так что казалось, что звонит он из

собачьего питомника в час кормежки, и лишь благодаря настоятельным просьбам депутата парламентского большинства, который родился и вырос в этой самой коммуне, а потому был хорошо знаком со всеми тамошними поверьями и легендами, согласились отправить на юг двух сведущих ветеринаров из *Deuxieme Bureau*¹, дав им поручение разобраться на месте, изучить неслыханное происшествие и представить рапорт с перечнем надлежащих мер. А тем временем пришедшие в отчаяние и полуоглохшие жители принялись изводить напасть до крайности простым методом, чья эффективность подтверждена на всех широтах и во все времена многократно, то есть разбрасывать по улицам этого прелестного курортного городка, ставшего ныне одним из кругов ада, десятки мясных шариков, начиненных отравой. Издохла всего-навсего одна собака, но урок был усвоен всеми остальными: с лаем, гавканьем и воем ринулись они из города вон, в один миг исчезли в окрестных полях, где тут же и смолкли, опять же без всякой видимой причины. И прибывшим наконец ветеринарам представлен был для освидетельствования лишь окончивший и раздутый труп несчастного Медора, совсем не похожего на того благодушного пса, который любил сопровождать свою хозяйку, когда та отправлялась за покупками, а еще больше, по старости, — беззаботно дремать на солнце. Но поскольку справедливость не окончательно покинула этот мир, поэтически рассудил Господь, что суждено будет Медору околеть от руки возлюбленной своей хозяйки, хотя она — это важно знать! — приготовила отравленную приманку не для него вовсе, а для некой соседской шавки, которая упрямо брехала у нее в саду. И, стоя пред бренными останками пса, сказал старший из ветеринаров: Ну что, вскрывать надо, хотя это еще боль-

¹ «Второе бюро» — управление военной контрразведки французского Генерального Штаба.

шой вопрос, надо ли, любой житель Сербера мог бы, если бы пожелал, засвидетельствовать *causa mortis*¹, однако негласное задание «конторы», как на профессиональном жаргоне называли они свое ведомство, надлежало выполнить, а потому они и приступили к процедуре исследования голосовых связок животного, которое в промежутке между окончательным безмолвием смерти и молчанием, что вроде бы хранило всю свою жизнь, все же несколько часов кряду подавало голос и тем могло бы пролить свет на поведение остальных собак. Зря старались ветеринары — голосовых связок у Медора не обнаружилось вовсе. Эксперты пришли в замешательство, из которого вывело их административно-здоровое суждение мэра: Ясное дело, серберские псы столько столетий не лаяли, что этот орган у них — как это называется? — а, «атрофировался». Но как же это так вдруг? Чего не знаю, того не знаю, объяснить не берусь, я не специалист, но тревожиться нам более не о чем, собаки исчезли, их теперь даже и не слышно. Распотрошенного и наскоро зашитого Медора отдали плачущей владелице в качестве живого укора — да, такая вот несообразность: бобик сдох, а укор жив. По пути в аэропорт, откуда ветеринары должны были лететь в Париж, они дружно согласились не упоминать в рапорте о таинственном завитке эволюции, лишившем серберских собак голосовых связок. И, видимо, лишились они их напрочь, ибо в ту же ночь носился по Серберу огромный, ростом с дерево, пес о трех головах — и носился при этом молча.

Тогда же — ну, может, раньше, может, чуть позже, — когда Жоана Карда провела вязовой палкой черту по земле, по берегу моря — дело было к вечеру, когда рокот волн становится еле слышен, словно мимолетный, беспричинный — так, ни о чем — вздох, — прогуливался некто, отрекомендовавшийся впоследствии Жоакином

¹ Причину смерти (лат.).

Сассой, шел себе вдоль по берегу, как раз там, где мокрый песок переходит в сухой, и, время от времени наклоняясь, подбирал то раковину, то клешню краба, то зеленое волоконец водоросли — кому из нас не случалось убивать время таким образом? Карманов у него не было, сумки он с собой не взял, складывать находки ему было некуда, а потому, когда трофеи уже в руках не умещались, он бросал их в воду: да вернется в море то, что морю принадлежит, а земле останется земное. Но нет правил без исключений, и Жоакин Сасса, заметив впереди, на сухом песке, камень, поднял его — увесистый и плоский, как диск, но неправильной формы, а будь он подобен другим, гладеньким и аккуратным, которые будто сами собой ложатся между указательным и большим пальцами, швырнул бы его Жоакин Сасса в море, с детской радостью следя, как подсакивает, несколько раз вспарывая водную гладь, выныривает и, наконец, потеряв первоначальное ускорение, камень этот, пущенный его умелой рукой, но будто обладающий собственной расчисленной судьбой, выжженный солнцем, мочимый лишь дождями, погружается, уходит в темную бездну, где будет миллион лет ждать, когда это море, испарившись либо отступив, вернет его на сушу еще на миллион лет, чтобы дать времени время выпустить на берег другого Жоакина Сассу, который, сам того не зная, повторит размах и бросок, и не стоит твердо заявлять: Не стану я этого делать, ибо твердости и надежности нет даже и в камне.

На южном побережье в этот час кто-то напоследок окунается в еще теплое море, кто-то плывет, играет с мячом, подныривает под волну, или лежит на надувном матрасе, или, почувствовав, как побежали по коже первые мурашки приближающегося вечера, подставляет тело прощальной ласке солнца, которое задержится на горизонте на одну секунду — самую долгую, потому что мы глядим на него, а оно позволяет на себя глядеть. Но здесь,

на северном пляже, где Жоакин Сасса сжимает в пальцах камень, такой тяжелый, что уже руки устали его держать, задувает холодный ветер, и солнце уже наполовину погрузилось в море, и даже чаек уже не видно над волнами. Жоакин Сасса швырнул камень, рассчитывая, что он пролетит лишь несколько шагов, ну разве что не у самых ног упадет, каждый из нас обязан трезво оценивать свои силы, хоть здесь и нет зрителей, которых позабавит незадачливый дискобол, он и сам готов над собой посмеяться, но вышло не так, как задумано: темный тяжелый камень взвился в воздух и плашмя упал в воду, отскочил, ударившись о поверхность ее, взлетел или подпрыгнул, как угодно, снова упал, снова подпрыгнул и улетел черт знает куда. Как же это так, подумал тогда в растерянности Жоакин Сасса, как это я, слабосильный, ухитрился зашвырнуть такой тяжелый камень так далеко в уже потемневшее море и как жаль, что никто этого не видел и некому сказать мне: Ай да молодец, Жоакин Сасса, это прямо для Книги Гиннесса, я свидетель, такое не каждый день бывает. Рассказать кому — не поверят. Поднялся из моря высокий фонтан вспененной, взбаламученной воды: это камень наконец упал в море, и от точки его падения пошли концентрические круги — всем нам с детства известно такое природное явление. Жоакин Сасса отскочил подальше, и волна, доплеснув до берега, бессильно замерла на песке, распалась, разложив на нем все принесенное с собой — раковины, клешни крабов, зеленые, красные, бурые волокна водорослей, лезвия ламинарий, морских звезд и медуз. А сколько же еще лет не увидит дневного света маленький камешек — обкатанный, так удобно лежащий между большим и указательным пальцами?

Нелегкое это занятие — писать, нелегкое и в высшей степени ответственное: невероятных трудов стоит расставить в должном порядке и в должной очередности все события — это сначала, то потом — или, если дело того

требуется, рассказать сперва о происшествии сегодняшнем, а уж следом изложить событие вчерашнее и совершать иные, не менее головоломные акробатические штуки — представить прошлое так, словно оно разворачивается у нас на глазах, а настоящее — как некую протяженность без конца и без начала, — но, как бы ни изошрялись авторы, никому еще не удавалось разом записать два одновременно происходящих события. Кое-кто предложит, пожалуй, решить проблему просто — разделить страницу пополам, на две колонки, — но ведь это же, ей-богу, наивная уловка: все равно ведь придется писать одно сначала, а другое — потом, и не следует упускать из виду, что читатель и прочтет одно сначала, а другое — потом, или наоборот, и поневоле позавидуешь оперным певцам, у каждого из которых — своя партия, и все эти тенора и сопрано, басы и баритоны, сколько бы их ни было — трое, четверо, а хоть бы и шестеро, — одновременно ведут свою тему: злодей, например, издевается, а инженер умоляет, а первый любовник, пусть и с промедлением вступая, но заступает, и у каждого — свои слова, хотя до слов слушателю особенного дела нет, ему важна лишь музыка, тогда как читателю все растолкуй, все расположи в надлежащей последовательности, чтоб одно не налезало на другое. Вот поэтому пришлось нам упомянуть сначала Жоакина Сассу, и лишь теперь пришел черед Педро Орсе, хотя Жоакин швырнул камень в море в тот же самый миг, когда Педро поднялся со стула, пусть за время, протекшее между двумя этими событиями, часовая стрелка и описала полный круг: все дело в том, что один был в Португалии, а другой — в Испании.

Известно, что у всякого следствия — своя причина, эта истина универсальна, но невозможно бывает избежать логических погрешностей, и не всегда узнаем мы, что из чего вытекает: думаем, что вот эта причина повлекла за собой такое-то следствие, а нет: причина была в ином, в том, что

намного превосходит возможности нашего разума и науку, во всеоружии которой, как нам кажется, мы пребываем. Вот вам пример: мы вроде бы показали, что серберские псы подняли лай оттого, что Жоана Карда вязовой палкой провела по земле черту, но лишь малое дитя в доверчивости своей — если еще не перевелись с золотого доверчивого века такие дети, — лишь невинный младенец — извините за плеоназм: какие там у него провинности, — одним словом, лишь неразумный ребенок, который надеется уловить солнце в сжатый кулачок, так вот, лишь он поверит, будто собаки, никогда прежде не лаявшие по причинам как исторического, так и физиологического порядка, способны подать голос. Но в десятках тысяч городов, деревень, сел, поселков и местечек в избытке отыщутся те, кто самих себя сочтет причиной чего угодно — и поднятого собаками лая, и всего прочего, что придет после: скажут, что произошло это оттого, что они хлопнули дверью, остригли ногти, сорвали плод с ветки, или закурили, или отдернули занавеску, или померли, или — ну не они же, разумеется, другие! — родились, и уж эти-то вот гипотезы насчет смерти и рождения ни в какие ворота не лезут, ибо необходимо иметь в виду, что говорить они должны от лица самих себя, а это одинаково трудно и тому, кто сию минуту появился из чрева матери, и тому, кто только что улегся во чрево земли. Не стоит и добавлять даже, что у любого хватит резонов считать себя причиной всего и вся — и тех странных явлений, о которых мы намереемся рассказать, равно как и иных, где от нас якобы целиком и полностью зависит, будет ли мир функционировать исправно, а потому очень хотелось бы узнать, каков был бы он, мир этот, без людей и без событий, ими и только ими вызываемых, но лучше, право, и не представлять себе такое, не то совсем одуреешь, хватит и того, чтобы выжили всякие мелкие зверьки и насекомые, вот и будет мир муравья и мир стрекозы, они не отдергивают занавеску, не глядятся в зеркало. А конеч-

ная и великая истина состоит в том, что мир не может быть мертвым.

А Педро Орсе, набравшись отваги, сказал бы, что земля затряслась оттого, что он — пусть это самонадеянное предположение остается на его, ну и отчасти на нашей совести — топнул по ней ногами, поднимаясь со стула, ибо мы слегка сомневаемся, что если каждый человек оставляет в мире след своего присутствия, то Педро Орсе, заявивший: Встал я, и земля затряслась, оставил именно такой след. Интересное такое землетрясение, которого никто вроде бы и не заметил, и даже теперь, по прошествии двух минут, когда волна уже доплеснула до берега и Жоакин Сасса сказал себе: Расскажи я об этом, мне не поверят, земля продолжала содрогаться, как дрожит струна, уже не издавая никакого звука, и содрогание это Педро Орсе ощущает ступнями и продолжает ощущать, выйдя из аптеки на улицу, а вокруг никто ничего не замечает, ну в точности, как говорят, глядя в ночное небо: Ах, как ярко блещет вон та звезда, — и никому невдомек, что звезда погасла за миллионы лет до того, как говорящий произнес эти слова, а дети его и внуки будут, бедняги, повторять их, восхищенно называя мертвое живым, и заблуждение это относится не к одной только науке астрономии. Но в нашем случае все наоборот: люди поклялись бы, что земная твердь неколебима как прежде, и один лишь Педро Орсе уверен, что она ходит ходуном, и хорошо еще, что он промолчал, не бросился бежать в испуге, ибо стены не вздрогнули, люстра не качнулась, а осталась висеть ровно и строго перпендикулярно к земле, обитатели птичьего двора, первыми поднимающие тревогу, продолжали спокойно спать, сунув голову под крыло, и самописец сейсмографа по-прежнему вычерчивал на ленте миллиметровки безупречную горизонталь.

На следующее утро некий путник пересекал невозделанную пустошь, заросшую кустарником и всякими